

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 225–233.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 3 (76). P. 225–233.

Научная статья

УДК 32

doi: 10.54398/1818510X_2023_3_225

**ЯЗЫК КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ВЛАСТНЫХ СТРАТЕГИЙ
В КУЛЬТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ**

Исаченко Надежда Николаевна

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия

isachenkonadezhda@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7246-5822>

Аннотация. Язык как уникальное культурное явление, как социокультурное средство взаимодействия людей, на современном этапе цивилизационного развития в условиях масштабного внедрения во все сферы жизнедеятельности информационно-коммуникативных технологий приобрёл статус главного инструментального средства реализации властных стратегий в культуре современных политических систем. Актуальность исследуемой проблематики заключается в выявлении стратегий влияния на сознание и поведение масс, используемых политиками в современной культуре. Язык, информация выполняют не только познавательную, коммуникативную, информационно-трансляционную функции, в руках политиков они становятся мощной силой воздействия на коллективное сознание и поведение масс. Благодаря возможностям информационно-коммуникативных и сетевых технологий в культуре политических систем активно используются различные способы воздействия на сознание. Методологической основой исследования явились социокультурный, феноменологический, подходы, общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение). В качестве источниковой базы проанализированы работы известных отечественных и зарубежных авторов, актуализирующих исследуемую проблематику. В рамках исследования были сделаны выводы и озвучены предложения по минимизации негативного воздействия властных стратегий на коллективное сознание.

Ключевые слова: язык, слово, культура, информация, политический дискурс, информационная война, информационное поле, информационно-коммуникативные технологии, власть, политическая культура, общечеловеческие ценности, суггестия

Для цитирования: Исаченко Н. Н. Язык как одно из средств реализации властных стратегий в культуре политических проектов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 225–233. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_225.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**LANGUAGE AS ONE OF THE MEANS OF IMPLEMENTING POWER STRATEGIES
IN THE CULTURE OF POLITICAL PROJECTS**

Nadezhda N. Isachenko

Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

isachenkonadezhda@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7246-5822>

Abstract. Language as a unique cultural phenomenon, as a socio-cultural medium of human interaction, at the present stage of civilizational development in conditions of large-scale introduction of information and communication technologies into all spheres of life, has acquired the status of the main instrumental means of implementing power strategies in the culture of modern political systems. The relevance of the problem under study is to identify strategies for influencing the consciousness and behavior of the masses used by politicians in modern culture. Language and information perform not

only cognitive, communicative, informational and translational functions, but in the hands of politicians they become a powerful force of influence on the collective consciousness and behavior of the masses. In the culture of political systems, thanks to the possibilities of information and communication and network technologies, various ways of influencing consciousness are actively used. The methodological basis of the research was socio-cultural, phenomenological, approaches, general scientific methods (analysis, synthesis, generalization). As a source base, the works of well-known domestic and foreign authors who actualize the studied problems are analyzed. As part of the study, conclusions were drawn and proposals were made to minimize the negative impact of power strategies on the collective consciousness.

Keywords: language, word, culture, information, political discourse, information warfare, information field, information and communication technologies, power, political culture, universal values, suggestion

For citation: Isachenko N. N. Language as one of the means of implementing power strategies in the culture of political projects. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 3 (76), pp. 225–233. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_225.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Слово, язык, информация всегда являлись значимым коммуникативным ресурсом в человеческом обществе. Начиная с Античности, на разных этапах развития человеческого общества философы придавали слову огромное значение. Уже в Древней Греции слово, информация использовались не только как изобразительно-выразительные средства, но и как инструмент достижения истины, как средство убеждения. Платон одним из первых указал на способность слова оказывать воздействие на человека. Ораторское слово как вид красноречия признавалось искусством, способным управлять умами. Философы отмечали, что человек, овладевший ораторским искусством, обладал способностью использовать слово в качестве механизма осуществления господства. Связь языка и властных структур устанавливалась постепенно. С появлением и распространением трактатов об ораторском искусстве властители, овладевшие этим искусством, отмечали силу воздействия слова на человека. Слово, информация постепенно становились важным инструментом в политике, во власти, языком принятия политических решений. Актуальность исследуемой проблематики в контексте сложившейся геополитической ситуации в условиях внешних вызовов, требующих адекватных ответов, не вызывает сомнения. Новизна исследования заключается в выявлении речевых стратегий политического дискурса в информационно-сетевом пространстве и осмыслении рациональных подходов, способных минимизировать их деструктивное воздействие на сознание.

Современный политический дискурс, вооружившись информационно-коммуникативными технологиями, использует различные стратегии воздействия на коллективное сознание, применяя различные способы и средства его транслирования с помощью новых знаков, символов, принятых в сетевых сообществах. Целью исследования является критический анализ стратегий политического дискурса, активно использующего информационно-коммуникативные технологии; определение функций языка, слова в реализации властных стратегий в культуре политических проектов.

Основная часть

Социогуманитарный дискурс предлагает обширную источниковую базу исследования озвученной проблематики. Исследованию проблематики языка как средства реализации властных стратегий посвятили свои труды Р. Барт, М. Фуко, Г. Лассуэлл, Дж. Оруэлл, П. Чилтон, К. Шефнер, И. И. Завадский, О. Л. Михалева, С. И. Косенко, и др. Французский философ Р. Барт, будучи одним из основателей Центра, изучающего массовые коммуникации, придавал слову, языку огромное значение, считая язык кодом законодательной деятельности [1]. М. Хайдеггер рассматривал язык не только

как способ реализации бытия, как основу взаимоотношений человека с миром, но и как свойство «проговаривания истины», а также как «орудие господства над сущим» [11, с. 103]. Особое значение языку политики придаёт и Г. Лассуэлл, интерпретируя при этом пропаганду как один из основополагающих способов достижения согласия внутри общества [6].

Согласно М. Фуко, знание неотделимо от властных структур, потому уровень образованности, культура политиков признаётся им значимым фактором поддержания политического дискурса. Рассматривая власть и знания в единстве, он вводит философу «диспозитив», выполняющую, с его точки зрения, стратегическую функцию. По твёрдому убеждению, М. Фуко, в контексте политической культуры «дискурс должен контролироваться, подвергаться селекции для того, чтобы нейтрализовать непредсказуемость политических ситуаций» [10, с. 51]. Он считал, что в политической культуре язык, информация должны подвергаться строгому контролю, а в конкретных ситуациях – и запретам, которые должны коснуться в первую очередь: 1) запрета на объект (не следует говорить обо всём); 2) запрета на конкретные обстоятельства (где, когда и о чём можно (нельзя) говорить); 3) запрет на право субъекта (что и кому можно говорить). С истинным дискурсом он отождествлял речи сильных мира. В первую очередь, он имел в виду дискурс правосудия, в рамках которого все граждане обязаны совершать свои действия в соответствии с законом. Лишь в том обществе, где «создаётся дисциплинарный порядок, формируются и укрепляются дисциплинарный язык и дискурсы подчинения» [10, с. 53].

В политической культуре разграничивают язык власти и язык политики. Язык политики – это, конечно же, язык власти, он представляет собой языковые инструменты массированного воздействия на коллективное сознание, особенно активизируясь в период борьбы за власть. Язык власти представляет систему средств, с помощью которых осуществляется процесс взаимодействия с массами. Это язык решений власти [6], язык правовой системы, посредством определённых символов, знаков, с помощью которых власть осуществляет взаимодействие с народом, управляет им. Посредством языка рождаются новые законы, формулируются нормы жизни, посредством языка властных структуры доводят своё волеизъявление до народа. Следовательно, язык власти есть отражение её планов, задач, идеологии.

Язык политики представляет совокупность языковых инструментов для осуществления политико-идеологической «мобилизации» масс и активного воздействия на массовое сознание в процессе борьбы за власть. Язык политики, будучи специфической политической лексикой, активно импортируется в дискурс политологов, философов, журналистов. Такие политические термины, выражения, как «свободные выборы», «агенты», «экстремисты», «суверенная демократия», активно используются в речи.

Политический дискурс – это сложное коммуникативное явление политической культуры, содержащее специальные языковые средства для достижения определённых политических целей. Одной из значимых задач политического дискурса является его ориентация на трансформирование взглядов, убеждений, мировоззрения масс с целью формирования общественного мнения и принятия задач, идей, обозначенных властными структурами. Политический дискурс носит прескриптивный и дескриптивный характер. Прескриптивность языка политики заключается в его содержании символов, знаков, предполагающих аргументированное оправдание или осуждение конкретных политических практик или действий отдельных политиков. Дескриптивный характер языка политики проявляется в том, что он предполагает обязательное «соответствие предъявляемым требованиям, которые принимаются большинством людей как корректно описывающие модели и практики власти» [6].

Раздвигая границы коммуникации язык в политике, во власти выполняет множество функций, ключевыми из которых являются: 1) функция идентификации (способность различения и интеграции), заключающаяся в том, чтобы сплачивать политическую группу, привлекать единомышленников посредством использования разных языковых форм (метафор («Мы за мир», идиом «У нас котелок варит»); 2) функция

управления, заключающаяся в выборе стратегии управления массами (например, на период предвыборной кампании), в формировании общественного мнения; 3) информационно-трансляционная функция языка политики, заключающаяся в передаче информации, в доведении до населения содержания политических программ, деклараций, политических решений; передача опыта последующим поколениям; 4) функция принуждения (приказы, законы, цензура, санкции) (П. Чилтон К. Шефнер); 5) функция симуляции (осуществление контроля за информацией) (П. Чилтон К. Шефнер); 6) функция легитимизации власти посредством оправдания действий политиков («У нас не было выбора»); 7) регулятивная функция языка власти, имеющая своей целью регулировать поведение, действия; побуждать (запрещать) к действиям, направленным на дестабилизацию («Сколько можно терпеть?!»); 8) воспроизводство власти, укрепление собственных политических позиций; 9) функция солидарности (социальной интеграции) в рамках общества или групп.

В политическом дискурсе за многие годы сформировались стратегии, использование которых предполагает определённую направленность политической речи, в рамках которой достигается конкретная цель. В зависимости от цели реализуются следующие стратегии: 1) стратегия нападения (обвинения, оскорбления, угрозы); 2) стратегия дискредитации (представление оппонента в негативном контексте); 3) агитационная стратегия (воздействие на сознание масс для побуждения их к действию); 4) манипулятивная стратегия (скрытое психологическое воздействие на сознание, идущее в разрез с волей других; «играют» на чувствах избирателей, стремясь разжалобить, вызвать сочувствие, чувство сопереживания); 5) презентативная стратегия (создание положительного образа политика с целью увеличения числа электората) и др.

В ситуации, когда целью политики является власть, то захват и удержание власти сопровождается использованием средств манипулирования массовым сознанием, использованием риторики, лишённой этоса, дезинформации, унижающей достоинства оппонентов. В таких ситуациях «политический язык используется для того, чтобы ложь выглядела правдой, убийство – достойным делом, а пустословие звучало солидно» [8, с. 356].

Язык политики динамичен, он встраивается в любую систему, в любой политический проект, приобретая специфические черты. Технологический прогресс ускорил информационный обмен, разнообразил формы взаимодействия людей и создал благоприятные условия для достижения целей и реализации властных стратегий в культуре политических проектов. На современном этапе цивилизационного развития в условиях широкомасштабного внедрения во все сферы жизни информационно-компьютерных технологий язык, слово, «информация стали не только одним из значимых регулятивов, оказывающих влияние на социокультурные процессы в обществе» [4, с. 218], но и одним из инструментов принуждения в политическом дискурсе.

Продолжительное время в политическом дискурсе «наиболее действенным средством манипулирования сознанием была метафора» [7, с. 145] («Смерть предателям!», «Судьба России поставлена на карту»). В эпоху интернета, в культуре информационно-сетевых сообществ язык политики, язык власти претерпевают серьёзные изменения в связи с масштабным распространением цифровизации и новых средств коммуникации. Благодаря информационно-коммуникативным технологиям, в культуре политических проектов расширяются не только функции языка, но и формируются новые способы его транслирования с помощью новых знаков, принятых в сетевых сообществах. В культуре современных политических проектов активно используются в качестве методов воздействия не только авторитет, знания, но и дезинформация, языковое принуждение, рассматриваемое как насильственное формирование в коллективном сознании своеобразных представлений об определённых событиях, явлениях, политических деятелях.

Политический дискурс, благодаря информационно-коммуникативным технологиям, стал масс-медийным. Основной площадкой информационного и психологического воздействия стал интернет, социальные сети, благодаря которым политики,

представители власти имеют возможность увеличить радиус своего политического воздействия. Выход на уровень масс-медиа позволяет осуществлять маркетинговые (агитация, пропаганда своих идей) и немаркетинговые (дискредитация оппозиции) стратегии. Социальные сети – это пространство, где можно замалчивать, скрывать, искажать, подтасовывать важную информацию, подменять понятия в зависимости от поставленной цели.

Политики активно используют социальные сети, применяя разные стратегии борьбы за аудиторию. Благодаря сетевой организации взаимодействия, информация быстро распространяется, информационные потоки оказывают мощное воздействие на массовое сознание. Благодаря сетям, процесс межличностной, межгрупповой коммуникации увеличился многократно. Сегодня политику не обязательно выходить на площадь, чтобы выступить с речью, достаточно создать аккаунт в интернете, в фейсбуке, на рутубе (или “YouTube”) или на других платформах, обозначить актуальную тематику, добавить интересные фото, видео и аудитория будет расти в арифметической прогрессии.

Оппозиционеры широко используют возможности сети для распространения своего контента. Создавая публичные страницы в сетях, онлайн-платформы, они осуществляют стратегию информационного воздействия, учитывая интересы пользователей социальных сетей. Достаточно «ВКонтакте», “YouTube” назвать дату, время, место, описать алгоритм действий, и массовые митинги, шествия, акции пройдут по всей стране. Политические партии («Яблоко», «Парнас») не упускают случая, апеллируя к актуальным проблемам, осуществлять пропагандистскую деятельность на онлайн-платформах и поддерживать собственный имидж.

Использование информации в качестве манипуляторов нацеливает акторов сетей на поиск новых стратегий, способных оградить их от внешних посягательств. В медиапространстве широко используется метафора «эхо-камера». Эхо-камера – это продукт информационно-сетевого общества, предполагающий создание закрытых групп, организация среды, в которой создаётся и распространяется информация, отражающая определённые взгляды, позиции. Создание такой среды обусловлено в первую очередь желанием оградить себя от нерелевантной информации и ограничить информационный обмен с нежелательными акторами. Исследователи данного феномена видят в создании эхо-камер определённую угрозу. Во-первых, в рамках закрытых обособленных групп могут создаваться оппозиционные по отношению к власти группы, имеющие цель вести экстремистскую, антигосударственную деятельность, – это могут быть и террористические группы. Существовая на закрытых онлайн-платформах, разворачивая свою деятельность в виртуальном пространстве, они нацелены на реализацию своих деструктивных целей в реальности, что несёт угрозу обществу.

Широко распространяется в социальных сетях феномен, получивший название «интернет-мемы», «сетевые мемы», имеющие своей целью использование «языковой игры» для воздействия на сознание. Они представляют собой яркие, запоминающиеся фразы, символы, образы (картинки, слоганы, фото), которые очень быстро распространяются и оказывают определённое воздействие на сознание. Акторы сетевых сообществ, транслируя друг другу увиденную информацию, не задумываются о том, какой смысл заключил в неё автор, насколько она соответствует действительности, таким образом, обеспечивают воспроизводство «символической власти». Направленность любых информационных потоков может иметь своей целью пропаганду, экспансию, то есть «навязывание» идей, ценностей, принципов. Использование определённых хэштегов в микроблогах, в сетях может стать началом массового движения. Так, движение “Black Lives Matter” началось с одиночного слогана в социальных сетях, который молниеносно распространился и поднял волну поддержки во всем мире, став массовым движением против расизма.

Язык политики – это язык пропаганды. С целью привлечения интернет-аудитории и увеличения численности своих сторонников создатели виртуальных групп активно используют различные языковые средства. Языковым коррелятором может выступить

электронный, виртуальный дискурс. Вызывают интерес у акторов сайты, на которых создаются виртуальные квесты, представляющие игры, имеющие перечень заданий, которые необходимо выполнить для перехода на новый уровень. Вовлечённый в игру молодой человек, выполняя задания, не осознаёт до конца, что его вовлекли в группу, имеющую целью ведение антироссийской подрывной деятельности.

В современном мировом пространстве в рамках обострения отношений между государствами особая роль отводится политическому дискурсу как основному медиатору, способному оказывать мощное воздействие на массовое сознание. В политической культуре современного общества информация признаётся не только значимым ресурсом функционирования государственных и социальных институтов, но и грозным оружием, используемым политическим истеблишментом в корыстных целях. Целью политического дискурса является не транслирование правдивой информации, а сокрытие истины, искажение и подтасовка фактов, дезинформация для обеспечения мощного воздействия на акторов сети. Как правило, политический дискурс акцент делает на «заурядного обывателя», плохо разбирающегося в политических событиях, не ориентирующегося в политической ситуации и принимающего любую информацию за истинную. Активно используются техники эмоционального воздействия с применением фото, видео, так как эмоциональность восприятия событий, явлений влияет на снижение способности рационального осмысления происходящего.

В интернет-пространстве активно используются различные техники суггестивного воздействия как мощного психологического воздействия на сознание человека, «под влиянием которого происходит некритическое восприятие идей, норм, установок» [9, с. 103], изменяется поведение и процесс взаимодействия с другими людьми, осуществляется нравственная и ценностная дезориентация. Следствием суггестивного воздействия становится неверная расстановка жизненных приоритетов, может утрачиваться связь с прошлым и настоящим, происходит отчуждение от семьи, от культуры, традиционных ценностей, и в результате рушатся смысло-жизненные ориентиры. Особую опасность несут различные экстремистские, террористические организации, создающие в информационном пространстве сайты, сообщества для активной вербовки в свои ряды. Применяя суггестивные техники, алгоритмы воздействия на психику, они ориентируются на тех, кто легко попадает под внешнее воздействие [4]. Используя сеть Интернет и суггестивные алгоритмы в виде различных квестов, ярких роликов, фильмов, клипов, привлекающих внимание, вызывающих интерес, вовлекают юношей и девушек в свои ряды. Затем через мощное воздействие на сознание при помощи различной символики, лозунгов, террористические организации достигают результатов по увеличению своих организаций. Суггестия как мощное психологическое воздействие активно используется антироссийскими движениями, организациями.

Информация как один из видов политического оружия, обладающего мощной силой воздействия, активно используется в информационных войнах. Информационная война – один из видов противоборства стран, цивилизаций, осуществляемых в информационном пространстве с целью достижения конкретных политических целей. Цель информационной войны – «информационное превосходство в обеспечении национальной, военной стратегии путём воздействия на информационные системы противника, и защита собственной системы» [2, с. 28].

Первыми, кто использовал информационную пропаганду, воздействуя на сознание противника (солдат германской армии) с помощью листовок в ходе Первой мировой войны, была Великобритания. Во Второй мировой войне А. Гитлер, благодаря информационной пропаганде, смог оккупировать Австрию и Чехословакию без единого выстрела. Наибольших результатов в ведении информационной войны достигли Соединённые Штаты Америки, которые, апробировав концепцию ведения информационной войны во Вьетнаме, активно применяют её по всему миру.

Прогресс в информационно-коммуникационных технологиях создал условия для разработки технологий мощного информационного воздействия. Информационная

война в последние десятилетия активизируется в политическом поле, представляя разновидность информации широкомасштабного воздействия (без использования традиционных боевых действий) на массовое сознание и поведение «противника» с целью введения его в заблуждение. Основной целью информационных войн является контроль над информационным пространством с целью пропаганды идей, догм, парадигм, культуры, ценностей. Целью информационных войн является и нанесение удара по безопасности компьютерных систем, серверов и телекоммуникаций недружественных стран, а также защита собственного пространства от посягательства извне. Преимущество информационной войны в том, что она поражает сознание противника без собственных материальных и духовных потерь. В ходе информационной войны осуществляются «невнятные военные действия». Нередко политики, стремясь к достижению цели, осуществляют соединение реальных военных действий и информационной войны, перенося информационную агрессию на реальные поля сражений.

Практически все политические события, вооружённые конфликты, возникшие в последние десятилетия, были спровоцированы политическим истеблишментом США и сопровождались мощной информационной пропагандой, сильнейшим психологическим воздействием на коллективное сознание всего мирового сообщества с целью искажения истинных событий и дискредитации своих оппонентов. В конце XX в. в США была разработана «доктрина информационных операций», где были перечислены объекты, которые должны быть подвергнуты информационному воздействию. К их числу были отнесены все системы жизнеобеспечения, всё руководство стран (военное и политическое), вооружённые силы противника, население, инфраструктура. Особая роль отводится информационно-сетевым технологиям, с помощью которых осуществляется мощное воздействие на морально-психологическое состояние населения с целью создания ситуации паники, хаоса, дестабилизации, создание атмосферы недоверия к собственной власти, к гражданским институтам, разжигание конфликтов внутри страны, организация цветных революций (Грузия, Украина, Молдова). Определённое значение придавалось моральному разложению общества посредством ориентации его на бездуховность, аморальность, нигилизм традиционных ценностей. В «доктрине информационных операций» особое значение придаётся провокациям, ведущим к столкновению на основе религиозных, национальных, гендерных различий.

На современном этапе цивилизационного развития в условиях широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий в информационном поле интернета ведётся широкомасштабная «война идей». Ввиду сложившейся геополитической ситуации, перед лицом глобальных вызовов Россия оказалась вовлечённой в информационное противоборство. Сегодня активизировалась антироссийская пропаганда. На всех прозападных каналах, сайтах распространяется дезинформация о России, русском народе, искажающая и историческое прошлое, и современные факты. Ставится задача разрушить не только идеалы, систему ценностей, традиции, но и сформировать негативное отношение к власти, посеять панику, усилить внутренние противоречия, настроить оппозиционные силы друг против друга и тем самым расколоть народ, разрушить страну.

Наклеивание ярлыков, применение метода «непрерывного потока» дезинформации, создание «фрагментированных сообщений», содержащих негативную и искажающую информацию о стране, народе; использование эмоционально-интенсивных слов, апеллирующих к чувствам, к таким понятиям, как «Отчизна», «дом», «семья», возымели силу. Определённая категория граждан, оказавшись в поле влияния информационного антироссийского дискурса, покинула свою страну, выехав за её пределы. Утратив веру в своё государство, в народ России, они не захотели принимать участие в судьбе своей страны.

Нет сомнений в том, что с внедрением информационно-коммуникативных и компьютерных технологий во все сферы жизнедеятельности язык, слово, «информация признаются основной ценностью современного общества, и одним из факторов стабильности и устойчивого развития общества» [3, с. 200]. Но при этом в современном медиапространстве слово, язык, информация используются как одно из главных видов оружия,

оказывающего мощное информационно-психологическое воздействие на индивидуальное и коллективное сознание. Язык, информация превратились в «оружие “массового поражения”», используемое для распространения идей национализма, экстремизма, религиозного фундаментализма» [4, с. 219]. При том что вербальная информация вторична по происхождению, в современной культуре меняется её цель. Используя различные языковые средства (грамматические, синтаксические, лексические, графические, метафоры, неологизмы), манипулируя словами, используя агрессивную коннотацию, воздействуя на эмоции, чувства, политический истеблишмент умело воздействует на коллективное сознание. Слово становится объектом противоборства и средством разобщения («Украина без русских»). Язык способен разжечь ненависть на религиозной или национальной почве («свой / чужой»), стать источником межнациональных, межконфессиональных конфликтов, межгосударственных войн. Превращение языка в инструмент управления, господства, в основное средство реализации властных стратегий в культуре политических проектов, становится причиной утраты его коммуникативной, интегративной функций.

Выводы

Язык как коммуникативное средство в рамках информационно-сетевого пространства значительно расширил свои функции, преумножив свою роль и значение. Язык, слово, информация являются не только интегрирующим обществом фактором, но и источником противоборства, средством разобщённости людей. В этой связи важным является сохранение статуса языка, слова как одного из ресурсов, положительно влияющих на развитие культуры [3, с. 200], на развитие личности. Важным в этой связи является нацеленность на создание условий для сохранения роли языка в социокультурной интеграции, в признании языка основным элементом культуры и культурной ценностью.

В контексте исследуемой темы возрастает роль педагогов, философов, айти-специалистов в наполнении информационно-сетевого пространства гуманистическими идеями, нравственными ценностями. Речь идёт о формировании информационной, электронной культуры, ориентированной на создание «ценностно-смысловой сферы», в которой будут созданы условия для развития личности, для сотрудничества, сотворчества. Перед философами, педагогами стоит задача в организации деятельности, направленной на формирование у пользователей интернета критического мышления, на освоение навыков контент-анализа, способности адекватно оценивать медиа-тексты, фильтровать информацию, формировать устойчивые паттерны поведения в различных ситуациях, принимать рациональные решения. Совместная деятельность, её «нацеленность на побуждение стремления конструктивно преобразовывать мир, наполняя деятельность гуманистическим смыслом, через обращение к общечеловеческим ценностям, культурным универсалиям» [4, с. 220], позволит выстроить определённые подходы, способные минимизировать негативное воздействие на коллективное сознание властных стратегий в культуре политических проектов.

Список литературы

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва : Прогресс: Универс, 1994. – 615 с.
2. Завадский, И. И. Информационная война – что это такое? / И. И. Завадский // Защита информации. Конфидент. – 1996. – № 4. – С. 14–28.
3. Исаченко, Н. Н. Сетевая культура: к вопросу о ее амбивалентности / Н. Н. Исаченко // Философия и культура информационного общества. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, 2021. – С. 199–201.
4. Исаченко, Н. Н. Суггестия в культуре сетевых сообществ / Н. Н. Исаченко // Философия и культура информационного общества. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, 2022. – С. 218–220.
5. Косенко, С. И. Политика и система франкофонии в эпоху глобализации (европейские аспекты) / С. И. Косенко // Вестник МГИМО – Университет. – 2011. – № 2. – С. 141–150.
6. Лассвелл, Г. Язык власти. Политическая лингвистика / Г. Лассвелл. – URL: <https://politlinguistika.ru/images/1-2006/22.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).

7. Михалева, О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – Москва : Librokom, 2009. – 256 с.
8. Оруэлл, Дж. Политика и английский язык // Оруэлл Дж. Лев и Единорог: Эссе, статьи, рецензии. – Москва : Московская школа политических исследований, 2003. – С. 341–356.
9. Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б. Ф. Поршнев. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 713 с.
10. Фуко, М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко ; сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. – Москва : Магистерium: Касталь, 1996. – 446 с.
11. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.
12. Chilton, P. A. Discourse and politics / P. A. Chilton, C. Schaeffner // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction / ed. T. A. van Dijk. – London, 1997. – Vol. 2: Discourse as Social Interaction. – P. 206–230.

References

1. Bart, R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress: University; 1994, 615 p.
2. Zavatsky, I. I. Informatsionnaya voyna – chto eto takoe? [Information war – what is it?]. *Zashchita informatsii. Konfident* [Information protection. Confidential]. 1996, no. 4, pp. 14–28.
3. Isachenko, N. N. Setevaya kultura: k voprosu o ee ambivalentnosti [Network culture: on the question of its ambivalence]. *Filosofiya i kultura informatsionnogo obshchestva* [Philosophy and culture of the Information Society]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation; 2021, pp. 199–201.
4. Isachenko, N. N. Cuggestiya v kulture setevykh soobshchestv [Suggestion in the culture of network communities]. *Filosofiya i kultura informatsionnogo obshchestva* [Philosophy and culture of information society]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation; 2022, pp. 218–220.
5. Kosenko, S. I. Politika i sistema frankofonii v epokhu globalizatsii (evropejskie aspekty) [Politics and the system of Francophonie in the era of globalization (European aspects)]. *Vestnik MGIMO – Universitet* [Bulletin of MGIMO University]. 2011, no. 2, pp. 141–150.
6. Lasswell, G. *Yazyk vlasti. Politicheskaya lingvistika* [The language of power. Political linguistics]. Available at: <https://politlingvistika.ru/images/1-2006/22.pdf> (accessed: 05.05.2023).
7. Mikhaleva, O. L. *Politicheskij diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political discourse. The specifics of manipulative influence]. Moscow: Librokom; 2009, 256 p.
8. Orwell, Dzh. Politika i anglijskiy yazyk [Politics and the English language]. *Lev i Edinorog: Esse, statii, retsenzii* [The Lion and the One-horn: Essays, articles, reviews]. Moscow: Moscow School of Political Studies; 2008, pp. 341–356.
9. Porshnev, B. F. *O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsihologii)* [On the beginning of human history (problems of psychology)]. St. Petersburg: Aleteya; 2007, 713 p.
10. Foucault, M. *Volya k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* [The Will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Magisterium: Kastal; 1996, 446 p.
11. Kheydegger, M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow: Respublika; 1993, 447 p.
12. Chilton, P. A., Schaeffner, C. Discourse and politics. *Discourse Studies: A multidisciplinary introduction*. Ed. by T. A. van Dijk. London: 1997, vol. 2, pp. 206–230.

Информация об авторе

Исаченко Н. Н. – кандидат философских наук, доцент.

Information about the author

Isachenko N. N. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.06.2023; одобрена после рецензирования 22.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 09.06.2023; approved after reviewing 22.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.